

7. Ильин В. И. Поведение потребителей. Сыктывкар, 1998. URL: <http://www.consumers.narod.ru/content.html> (дата обращения: 26.09.2014).
8. Концепция Национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/sbrfr/archive/fsfr/archive_ffms/ru/about/poulation/financial_literacy_activity/guidance_materials/index.php?id_4=186.html (дата обращения: 04.07.2014).
9. Кузина О. Е., Рощина Я. М. Моделирование сберегательного поведения домохозяйств России Отчет по проекту EERC. EP98-041R. URL: <http://www.eerc.ru/publications/wp/browse.asp?Page=7> (дата обращения: 04.07.2014).
10. Кузина О. Е. Финансовая грамотность россиян (динамика и перспективы) // Деньги и кредит. 2012. № 1. С. 68–72.
11. Кузина О. Е., Ибрагимова Д. Х. Проблемы измерения и пути повышения финансовой грамотности населения России // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 4 (88). С. 14–25.
12. Кузнецов И. И. Монетарное поведение государственных и муниципальных служащих : автореф. дис. ... канд. социол. наук Волгоград, 2009. 22 с.
13. Незговорова М. И. Функционирование сетевой структуры потребительского поведения : автореф. дис. ... канд. социол. наук М., 2013. 28 с.
14. Повышение уровня финансовой грамотности – накопление в обществе человеческого потенциала // Экономика мегаполисов и регионов. 2010. № 3. С. 12–21.
15. Посыпанова О. С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей : монография. Калуга, 2012. 296 с. URL: http://www.aup.ru/books/m245/2_1.htm (дата обращения: 26.09.2014).
16. Рыжановская Л. Ю. Финансовая грамотность как элемент человеческого капитала и фактор социально-экономического развития // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2010. № 4. С. 151–158.
17. Современный российский регион: оценка состояния и тенденции развития / Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Л. Б. Боронина, Е. С. Дегтярева, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Е. В. Каргаполова, Н. А. Овчар, В. В. Токарев. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2012. 185 с.
18. Стребков Д. О. Модели кредитного поведения и факторы, их определяющие // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 52–62.
19. Токарев В. В., Дулина Н. В. Финансовая грамотность в оценках и мнениях населения региона (по итогам прикладного социологического исследования, выполненного в Волгоградской области) // Научный потенциал регионов на службу модернизации. 2013. № 1. С. 177–184.
20. Файзуллина А. И. Социальные проблемы кредитования на российском рынке банковских услуг : дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2007.
21. Финансовое поведение россиян: сохранятся ли надежды на обеспеченную старость? (По материалам социологического исследования «Волгоградский омнибус») / Н. В. Дулина, Д. В. Моисеева, В. В. Токарев, И. А. Небыков // Вестник Евразийской академии административных наук. 2013. № 3. С. 86–94.
22. Фонд ИЭСИ 2013 – Индикаторы и оценки уровня финграмотности 2013 URL: <http://fingram34.ru/about-the-regional-project/materials/> (дата обращения: 23.10.2014).
23. Шевяков М. Ю. Результаты проведения научно-исследовательских работ по методологической разработке индикаторов финансовой грамотности населения // Бюджет и финансы. Финансовая грамотность. 2011. № 3–4 (13–14). С. 40–44.
24. Щербаль М. С. Экономико-социологический анализ сберегательного поведения населения : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2013. 22 с.

© Д. В. Моисеева, Н. В. Дулина

УДК 316.25

КАЖДОМУ РЕБЕНКУ – СЕМЬЮ. РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Ю. Е. Игнатова

Волгоградский государственный технический университет

В настоящей статье рассматриваются проблемы беспризорности и социального сиротства в современном российском обществе, а также приводится анализ статистических данных о количестве выявленных и нуждающихся в устройстве детей и числе семей, готовых взять сирот на воспитание.

Ключевые слова: семья, безнадзорность, беспризорность, социальное сиротство.

This article examines the problems of homelessness and social orphanhood in the modern Russian society, and there is a statistical data analyze about children, requiring the placement and the amount of families, which are ready to take orphans for upbringing.

Key words: family, neglect, homelessness, social orphanhood.

К теме беспризорности и сиротства мы довольно часто обращаемся в своих научных изысканиях (см., напр., [2, 4–6] и др.), и не любопытства ради, а потому, что реальная практика вновь и вновь «рисует» новые сюжеты, которые требуют своего осмысления и объяснения. Когда задумываешься о беспризорности и сиротстве, на память невольно приходит образ ребенка лет пяти-семи, в поношенной, изодранной одежде, голодного и чумазого. Даже сейчас в цивилизованном обществе с его со-

временными технологиями, развитой инфраструктурой, массмедиа и т. д., причем не только в российском, проблема беспризорников является по-прежнему актуальной.

Со времен великого педагога А. С. Макаренко в России проблема выявления и устройства беспризорных детей и детей, оставшихся без родительского попечения, имеет место быть.

Отметим, что проблемы беспризорности и сиротства не остаются незамеченными социумом. Так, в решении задач устройства несовер-

шеннолетних участвуют как государственные и муниципальные органы власти, к которым относятся и органы опеки и попечительства, наделенные большинством полномочий в сфере защиты прав и интересов обездоленных детей, так и разного рода общественные организации, специализированные учреждения образования, здравоохранения и пр. Однако, несмотря на кажущуюся слаженность усилий большого количества специалистов, задействованных в работе с беспризорными, число осиротевших детей меньше не становится.

Попробуем проанализировать сведения о выявленных и устроенных детях за последние три года. Так, согласно данным Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей, на семейные формы устройства в 2011 г. в семьи российских граждан было передано 67,5 тысяч детей, из них 7,4 тысячи – на усыновление, 56,7 тысячи – под опеку (попечительство), в том числе 15,9 тысяч – на возмездную форму опеки (попечительства), 3400 детей усыновлено семьями иностранных граждан. В 2012 г. в семьи российских граждан было передано 58,8 тысяч детей, из них 6,5 тысяч – на усыновление, 37,3 тысяч – на безвозмездную форму опеки (попечительства), 15 тысяч – на возмездную форму опеки (попечительства), в том числе 13 тысяч – в приемные семьи, 0,2 тысячи – на патронатное воспитание, 2604 детей передано в семьи иностранных граждан. На семейные формы устройства в 2013 г. в семьи российских граждан было передано 62,9 тысяч детей, из них 8,2 тысяч – на усыновление, 34,9 тысяч – под опеку (попечительство), в том числе 19,7 тысяч – на возмездную форму опеки (попечительства), в семьи иностранных граждан – 1488 детей [9].

Казалось бы, в сравнении с 2012 г. в 2013 г. наблюдается положительная тенденция увеличения количества детей, устроенных в семьи, однако с этим нельзя согласиться, поскольку безмолвные цифры свидетельствуют о другом: на 31 декабря 2011 г. было выявлено и устроено 88522 ребенка, по состоянию на 31 декабря 2012 г. – 79990, а на 31 декабря прошлого года это число составило 68770 человек [9]. Иначе говоря, при увеличении количества устроенных детей ухудшилась работа по их выявлению.

На вопрос, каждому ли ребенку нужна семья, любой, безусловно, ответил бы положительно. Но какая семья? Разве та, в которой родители злоупотребляют спиртными напитками, не выполняют родительских обязанностей по воспитанию и содержанию своих чад или, что еще хуже, допускают жестокое отношение к детям? Пытаясь найти ответы на эти вопросы, невозможно не процитировать слова лауреата Государственной премии РФ, заведующего лабори-

раторией воспитательной работы в детских домах и школах-интернатах для сирот Академии педагогических наук СССР А. Лиханова: «Дети без родителей. Может ли быть положение более горькое, более несправедное. Ведь в основе основ человеческого общежития, в первооснове мироздания – любовь родительская к детям, забота о старших и младших... И вот, все-таки, дети – без родителей. Да, они остаются без родителей в силу стихийных бедствий, катастроф, всегда неожиданных, беспощадных. Но есть беды другого толка – когда дети остаются одни в силу родительской подлости, слабости. Детей отнимает суд – дабы защитить от их собственных родителей, от их бестолковой, пьяной, преступной жизни» [13, с. 3].

Только по Волгоградской области, согласно данным регионального министерства образования и науки, численность родителей, лишенных решением суда родительских прав, в 2012 г. составила 1089 человек, в 2013 г. – 928. При этом численность населения области в 2012 г. составляла 2594,8 тысячи человек, а в 2013 г. – 2538,3 тысячи человек [15]. На фоне общей численности населения такие показатели ничтожно малы, но и они не позволяют говорить нам об отсутствии проблемы как таковой. Напомним, что выявлено детей, нуждающихся в заботе со стороны общества и государства, почти 80 тысяч и 68 тысяч в 2012 г. и 2013 г. соответственно [7].

Законодательно государство закрепило различные формы семейного устройства. Так, согласно статье 123 Семейного кодекса Российской Федерации, дети, оставшиеся без попечения родителей, подлежат передаче в семью на воспитание (усыновление/удочерение, под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью), а при отсутствии такой возможности временно, на период до их устройства на воспитание в семью, передаются в организации всех типов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [14].

При этом государство на законодательном уровне отмечает, что в организации для обездоленных детей они помещаются временно, при отсутствии возможности определить несовершеннолетнего в семью.

Для более полного понимания ситуации, сложившейся в нашем регионе с устройством детей на попечение, необходимо обратиться к статистическим данным.

На учете в территориальных органах опеки и попечительства Волгоградской области в 2012 г. состояло 774 семьи, желающих принять ребенка на воспитание, в 2013 г., с учетом 157 состоящих на начало отчетного периода

семей, было поставлено на соответствующий учет 677 семей, при этом счет детей, нуждающихся в родительском попечении, идет на тысячи (данные приведены выше).

По состоянию на 1 января 2014 г., согласно ежегодному докладу уполномоченного по правам ребенка в Волгоградской области в 2013 г. 8067 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитываются в семьях опекунов (попечителей), приемных родителей, патронатных воспитателей; 1593 ребенка воспитывается в семьях усыновителей.

В течение трех лет среднегодовой показатель семейного устройства детей превышает число выявленных детей, оставшихся без попечения родителей, в течение года: в 2011 г. – 104 % (выявлено 1724 ребенка, устроено в семьи 1786 детей), в 2012 г. – 124 % (выявлено 1340 детей, устроено 1662 ребенка), в 2013 г. – 125,8 % (выявлен 1271 ребенок, устроено в семьи 1600 детей). Вместе с тем, в 2013 г. в регионе наметилась заметная тенденция сокращения численности детей-сирот, передаваемых в семьи [7].

Почему далеко не каждая семья, не имеющая собственных детей, готова взять ребенка на воспитание? Несомненно, имеют место причины экономического характера, такие как уровень дохода семьи, стесненность жилищных условий, труднодоступность услуг здравоохранения, образования и др. Государство, в свою очередь, решает эту проблему путем предоставления мер социальной поддержки родителям, принявшим ребенка в семью, и самим детям.

На региональном уровне законом Волгоградской области от 20.04.2007 г. № 1450 предусмотрены выплаты денежных средств на содержание ребенка, находящегося под опекой (попечительством) или переданного в приемную семью [8], иными нормативными актами предусмотрены компенсация транспортных расходов, санаторно-курортное лечение, медицинское обслуживание и иные дотации.

Безусловно, эти и другие меры поддержки важны для семей, уже имеющих на попечении детей, однако стоит предположить, что, даже если государство расширит перечень мер социальных услуг и гарантий таким семьям, утроит производимые выплаты на содержание детей, ситуация в корне не изменится.

Приемный ребенок – это «кот в мешке». В глазах большинства членов нашего общества дети, подпадающие под категорию беспризорных, в том числе социальные сироты, это дети, имеющие различные девиации, латентные преступники, бродяжки, родители которых лишились возможности воспитывать своих детей в силу пагубных пристрастий. Как следствие – страх приемного родителя, что у потенциального ребенка возьмет свое отягощенная

наследственность, не искоренятся пагубное влияние улицы, негативный опыт, полученный в период проживания в неблагополучной кровной семье, задержки в нервно-психическом развитии и т. д.

Действительно, мало кто может возразить, что у благополучного родителя ребенка не заберут, лишение родительских прав и изъятие ребенка являются крайними мерами, когда оставление несовершеннолетнего в семье опасно для его жизни и здоровья. А чем дольше проживал, а точнее существовал ребенок в такой семье или впитывал уроки улицы, тем сильнее последствия процесса депривации.

Проблемам нарушения психического и физического здоровья социальных сирот уделялось внимание многих отечественных и зарубежных исследователей: Й. Лангмейер, З. Матейчек [12], Н. Н. Денисевич [3], А. А. Ярулов [18] и др.

Й. Лангмейером и З. Матейчком приведен обзор характерных черт поведения и видов депривации детей, оставшихся в условиях ограничения основных жизненных стимулов (преимущественно весьма неблагоприятных) (более подробно см.: [12]).

Собственная типология детей, оказавшихся в критической ситуации, характеризующейся неудовлетворением потребностей ребенка в любви и признании, предложена Н. Н. Денисевич. Она выделила три типа детей с психической депривацией личности: стремящиеся к компенсации, хорошо приспособленные и подавленные дети [3, с. 29–32].

А. А. Ярулов, в свою очередь, при разработке программы психолого-педагогического сопровождения детей, лишенных попечения родителей, условно делит их на четыре группы:

1) дети-примитивы, поступающие в детский дом, как правило, из домов ребенка в три-четыре года. Большинство из них не умеют играть, плохо говорят, испытывают страх перед новыми людьми. Для них характерны малая психическая активность, аффективные реакции на новое, пассивное поведение в обществе;

2) социально запущенные дети, выросшие в крайне неблагоприятных семейных условиях. Они подвижны, умеют говорить, но отягощены отрицательным жизненным опытом. Их речь часто изобилует нецензурными выражениями, им свойственно раннее половое любопытство. В играх они в основном воспроизводят семейные пьяные сцены;

3) дети, у которых родители умерли. Они, как правило, превосходят своих сверстников в развитии и не требуют особых коррекционных влияний;

4) дети с задержкой психического развития и умственной отсталостью, поступающие из домов ребенка и неблагополучных семей. Они

нуждаются в медико-психолого-педагогической помощи [18].

Конечно, приведенное выше деление на группы весьма условное, но нельзя не согласиться с тем, что ребенок, воспитывающийся вне семьи, постоянно чувствует нехватку внимания и любви на фоне чувства ненужности и одиночества.

Так, психолог-практик Г. Т. Хоментаскас справедливо заметил, что у покинутых детей формируется, как правило, две противоположных линии поведения. Первая связана с занижением самооценки, лишение семьи воспринимается ребенком как наказание; вторая – характеризуется агрессивностью, обидой и озлобленностью. В ситуации невозможности жить в кровной семье ребенок винит плохих родителей [17].

Образ родителя и отношение взрослых к детям с течением времени в разных исторических эпохах претерпевали сильные изменения, но всегда отношение к осиротевшим детям было особое. Однако еще в родовой общине славян существовала традиция заботиться о сиротах «всем миром» [11, с. 92].

В современном государстве мы имеем задекларированные принципы политики по улучшению положения детей. Одним из основных принципов национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. является реализация основополагающего права каждого ребенка жить и воспитываться в семье [16].

Под лозунгом «Россия без сирот» прошло выступление уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка П. Астахова на семинаре для детских омбудсменов «Каждому ребенку – семья и дом». По его мнению, большинство детских домов и интернатов в России в ближайшие пять-восемь лет закроются, а их воспитанников переведут в приемные семьи. Средства, высвобождаемые от содержания закрывающихся детдомов и интернатов, должны направляться в приемные семьи. Это, с одной стороны, послужит дополнительным стимулом для приемных родителей взять к себе на воспитание ребенка, с другой – позволит направить дополнительные средства на содержание и обучение приемных детей.

Главная проблема большинства детдомов, по мнению П. Астахова, состоит в том, что их выпускники выходят в «большую жизнь» социально не адаптированными. «В этой ситуации

только воспитание в семье позволит сделать их полноценными членами общества» [1].

А готовы ли семьи взять на воспитание ребенка с искаженным восприятием действительности, имеющего проблемы с социальной адаптацией, а возможно, и с психическим самоощущением? Ответ, как принято говорить, лежит на поверхности. Не случайно подавляющее большинство граждан, в чьих семьях растут и воспитываются приемные дети, приходится этим детям родственниками или, по крайней мере, не вовсе посторонними людьми, которые видели и знают, в какой семье рос ребенок, наверняка знакомы с биографией семейного неблагополучия и осведомлены о состоянии здоровья потенциального воспитанника. Другое дело – посторонние люди, которые имеют возможность получить только тот минимум информации, который будет представлен им сотрудниками отдела опеки и попечительства либо администрации социального учреждения, в котором ребенок содержится.

Вышесказанное подтверждают данные о переданных на безвозмездную форму опеки детей. Согласно данным министерства образования и науки Волгоградской области, в 2012 г. численность детей, переданных на безвозмездную форму опеки (попечительства), на конец года составила 687 человек, из них посторонним гражданам – 213, т. е. 31 %, в 2013 г. из 606 устроенных детей посторонним гражданам передано 216 детей, что составляет около 35 % от общего количества [7].

Пытаясь снять с себя груз ответственности за происходящее, мы, встречая беспризорника на улице, стараемся дать ему подаю, пытаемся накормить, а некоторые вовсе делают вид, что их просто не замечают. Однако закрыть глаза на проблему вовсе не означает, что ее нет. Просто говорить об этом в эпоху глобализации мировой экономики, транснациональных корпораций и развитого социального общества как-то неудобно.

Так чего же нам не хватает в решении проблемы детского сиротства? Хочется ответить словами польского исследователя Я. Корчака, остающимися актуальными и по сей день: «А не хватает нам любви к детям. Не хватает самоотверженности – родительской, педагогической» [10].

Нет детских домов – нет сирот. А так ли это?

Список литературы

1. Астахов П. Выступление на обучающем семинаре «Каждому ребенку – семья и дом» (г. Красноярск, 28.02.2012). URL: <http://itar-tass.com/obschestvo/571814> (дата обращения: 5.11.2014).
2. Бобровников В. Г., Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е. Практика решения проблем беспризорности и безнадзорности детей в истории России // Дети и общество: социальная реальность и новации : сб. докл. Всерос. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. А. Мансуров. М. : РОС, 2014. С. 75–84.
3. Денисевич Н. Н. Проявление самостоятельности в процессе совместной деятельности младших школьников в условиях школы-интерната // Начальная школа. 1996. № 7. С. 29–32.

4. Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е. Семейное устройство детей как метод борьбы с беспризорностью (на примере г. Волжский Волгоградской области) // Научный потенциал регионов на службу модернизации. 2013. № 3 (6), Т. 2. С. 91–94.
5. Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е. Сиротинка, поди на чужбинку... (или об отношении населения к беспризорности и безнадзорности детей и подростков в России) // Дети и общество: социальная реальность и новации : сб. докл. Всерос. конф. С междунар. участием / отв. ред. В. А. Мансуров. М. : РОС, 2014. С. 643–652.
6. Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е. «Социальное дно» мира детства в современном российском обществе // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. № 5 (132). С. 47–51.
7. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам ребенка в Волгоградской области в 2013 году. URL: <http://Volgograd.rfdeti.ru> (дата обращения: 5.11.2014).
8. Закон Волгоградской области от 20.04.2007 № 1450 «О размере и порядке выплаты денежных средств на содержание ребенка, находящегося под опекой (попечительством) или переданного в приемную семью». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.10.2014).
9. Интернет-проект Министерства образования и науки Российской Федерации. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/> (дата обращения: 5.11.2014).
10. Корчак Я. Как любить ребенка: Книга о воспитании. М. : Политиздат, 1990. 493 с.
11. Кривоносов А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 92.
12. Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага : АВИЦЕНУМ, 1984. 258 с.
13. Лиханов А. Дети без родителей: Книга для учителя. М. : Просвещение, 1987. С. 3.
14. Семейный кодекс Российской Федерации. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2014).
15. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области. URL: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 6.11.2014).
16. Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2014).
17. Хоментаскас Г. Т. Семья глазами ребенка. М. : Педагогика, 1989. 73 с.
18. Ярулов А. А. Коррекция негативной психической напряженности детей дошкольного и младшего школьного возраста в условиях детского дома : дис. ... канд. психол. наук. М., 1996.

© Ю. Е. Игнатова

УДК 336.334

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИИ: СИТУАЦИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Л. А. Лебединцева

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье анализируются показатели развития информационно-коммуникативных технологий во взаимосвязи с инновационными процессами на примере Санкт-Петербурга. Отмечается, что в основе современного этапа развития региона лежит информационная модернизация, которая может рассматриваться посредством анализа существующих инновационных процессов, уровня их интенсивности, глубины и широты охвата ключевых сфер деятельности.

Ключевые слова: информационная модернизация, инновации, информационно-коммуникационные технологии.

In the article are considered indicators of development information and communicative technologies in interrelation with innovative processes on the example of St. Petersburg. It is noted that information modernization is put in the basis of the present stage of the region development, which can be considered by means of the analysis of the existing innovative processes, the level of their intensity, depth and width of coverage key fields of activity.

Key words: information modernization, innovations, information and communication technologies.

В рамках актуальной на сегодняшний день теории модернизации на первый план выходит преодоление и замена традиционных ценностей, препятствующих социальным изменениям и экономическому росту, ценностями, мотивирующими хозяйствующих субъектов на инновационную деятельность – разработку, создание и распространение новых технологий и генерирование новых организационно-экономических отношений. Рассмотрение модернизации в региональном разрезе проводится на основании двух видов модернизационных процессов: индустриальной (первичной) и информационной, основанной на знаниях (вторичной) [3]. Они могут реализовываться как последовательно во времени и тогда будут являть собой последовательные этапы развития, так и одновременно, с наложением друг на дру-

га. В этом случае говорят об интегрированной модернизации [9].

В Санкт-Петербурге как отдельно взятом регионе Российской Федерации ситуация внешне обстоит вполне благополучно. Город находится в фазе активного развития информационной модернизации и является одним из самых развитых в стране. Так, например, об этом свидетельствует и индекс человеческого развития: среди российских регионов Санкт-Петербург занимает второе (после Москвы) место со значением 0,89 [10].

Влияние информационной модернизации на развитие человеческого потенциала может рассматриваться посредством анализа существующих инновационных процессов в регионе, уровня их интенсивности, глубины и широты охвата ключевых сфер деятельности [13, 14].